

ДРЕВНЕЙШЕЕ РУССКОЕ ИЗОБРАЖЕНИЕ СКОМОРОХА И ЕГО ЗНАЧЕНИЕ ДЛЯ ИСТОРИИ СКОМОРОШЕСТВА

Ю. Н. Дмитриев опубликовал древнейшее русское изображение скомороха в статье «Мелетовские фрески и их значение для истории древнерусской литературы».¹ Изображение составляет часть фресковой росписи Мелетовской церкви. Сама Мелетовская церковь построена в 1461—1462 гг.; роспись ее точно датируется 1465 г. по сообщению летописи² и надписи в самой церкви. Известны и имена старост, повелением которых были сделаны росписи, — это посадники Путков и Я. И. Кротов. Изображение скомороха помещено в среднем отделении западной части. Оно составляет часть композиции, главным действующим лицом которой является богоматерь. Единственным признаком, по которому определялось, что перед нами скоморох, до сих пор была только надпись, так как сюжет композиции был неизвестен, а само изображение не давало веских оснований для такого определения. Изображение могло быть принято и за изображение царя Давида: настолько торжествен и величествен вид этого неизвестного музыканта, сидящего на высоком и роскошном троне и играющего на смычковом инструменте сложной формы.³ Надпись читается, по мнению Ю. Н. Дмитриева, следующим образом: $\overline{\text{аггъ}}$ скоморох. Прочтение первой части этой надписи (имени скомороха), как мы увидим в дальнейшем, спорно, но вторая часть ее — «скоморох» — сомнений не вызывает.

Вся композиция в целом, в которую включено изображение неизвестного скомороха, описывается Ю. Н. Дмитриевым следующим образом: «Вверху ее (композиции. — *Д. Л.*) изображено ложе с лежащей женщиной. На женщине белая рубашка с короткими рукавами; одеяло с шитой каймой не покрывает всего тела, но оставляет открытыми обнаженные ноги и подол рубашки. Позади ложа стоит богоматерь, склоненная к лежащей; левая рука богоматери поднесена к груди, тогда как положение правой неясно, быть может, ее не было видно. Скорбная поза этой фигуры очень выразительна. Внизу представлено следующее: в середине сидит музыкант, играющий на смычковом инструменте, слева (считая от зрителя) — толпа, состоящая из мужчин и женщин, справа — пляшущая женщина. Итак, изображены два эпизода

¹ ТОДРЛ, М.; Л., 1951, т. 8, с. 403—412. Отметим, что изображение скоморохов в киевской Софии не может считаться изображением русских скоморохов: здесь изображены увеселения императорского двора в Константинополе.

² Псковские летописи / Под ред. А. Н. Насонова. М.; Л., 1941, вып. 1, с. 71.

³ По-видимому, это гудок — инструмент, напоминающий скрипку, на котором играли, держа его вертикально за гриф.

какого-то рассказа: сцена празднества, веселия, пляски, относящаяся, надо полагать, к началу рассказа, и последующая сцена исцеления или явления богородицы некоей женщине. Надписей, поясняющих изображение, не сохранилось, за исключением двух слов, отнесенных к одному из персонажей. . .

Художник, изображая бытовую сцену, сцену празднества, пляски, с особым интересом отнесся к музыканту. Он выделил последнего композиционно, сделал его фигуру центральной, посадил очень торжественно на седалище, напоминающее престол, т. е. представил этого музыканта сходно, например, с царем Давидом. . . По сторонам его головы сохранилась надпись, состоящая из двух слов и поясняющая, кто здесь изображен. Слева стоит слово „Антъ“ — это имя или часть имени музыканта, справа написано „скоморох“.⁴

Описав затем подробно фигуру скомороха, его шляпу, прическу, одежду, седалище, инструмент, на котором он играет, и подчеркнув вероятность русского происхождения всех деталей, Ю. Н. Дмитриев заключает свою статью следующим замечанием: «Сюжеты этих изображений. . . остаются автору настоящей заметки неизвестными. Но несомненно то, что они заимствованы не из обычного для росписи храма источника. . .

Насколько автор настоящей заметки осведомлен, в памятниках русской письменности XV в., а также в более поздних неизвестны легенды, воспроизведенные в мелетовской росписи. Вместе с тем, для того чтобы попасть на стены псковского храма, они должны были приобрести некоторую популярность в местной среде. Если это так, то фрески Мелетова приобретают важное значение для истории псковской литературы, еще мало изученной».⁵

В настоящее время мы можем установить источник сюжета мелетовской композиции: это рассказ «О некоем скомрасе, хулившем пречистую богородицу». Приведу этот рассказ по старейшей рукописи «Лимониса», хранящейся в Государственной библиотеке СССР им. В. И. Ленина:

«Илию града Ливанисий Фуничьскыя град есть. В нем же скомрах беаше некто именем Анн, и на всех игрищах святою богородицею ругаяся, хуляще ю. И явися ему святая богородица, глаголющи: „Что ти зло створиш, яко при селице народе повлачи мя, зле глаголеши?“ Он же встав не токмо управися, но паче хулу вещаше. Паки же явися ему святая богородица, увещавающи и глаголющи: „Не мою тако врежаеши душу, но свою“. Съ же паки злее хуляше и она паки третицею явися ему, тоже вещающи и глаголющи, и, яко же не исправися, но паче множае хуляше, в един день полудне, яко же лежаше, явился ему и ничто же рече токмо перъстомъ своимъ начерте обе руце и обе нозе. И възбудився обретеса отсечене имея руце и нозе обе, и труп лежаше. В сих же

⁴ Дмитриев Ю. Н. Мелетовские фрески и их значение для истории древнерусской литературы. — ТОДРЛ, М.; Л., 1951, т. 8, с. 409—410.

⁵ Там же, с. 412.

зловивый исповедаше всем о себе яже себе творя, яже в похулениях своих пострадала и яже человеколюбия деяя».⁶

Отождествить сюжет мелетовской композиции и сюжет «Лимониса» помогают следующие детали. У ложа в мелетовской композиции изображена богоматерь. Лежащая фигура с обнаженными руками и ногами — деталь, указывающая, что именно ноги и руки поражены какой-то болезнью. Скоморох имеет краткое имя, состоящее и на фреске, и в рассказе «Лимониса» из равного количества букв и одинаково начинающееся на «А». Противоречит этому отождествлению то обстоятельство, что на ложе, по определению Ю. Н. Дмитриева, изображена лежащая женщина. Но позволительно усомниться в правильности этого определения. Ведь одежда лежащей на фреске не видно, а безбородость и безусость лица отличает и скомороха на главном изображении.

В приведенном рассказе «Лимониса» имя скомороха отличается от имени скомороха на фреске: в «Лимонисе» — «Аинъ», на фреске — «Антъ». Однако имя скомороха в списках вообще неустойчиво. В болгарской рукописи Библиотеки имени Колярова (№ 694 (63), XVIII в.) в том же рассказе имя скомороха читается «Аинъ». В «Великих четых минеях» митрополита Макария под 30 июля приведен тот же рассказ, но здесь имя скомороха «Гоино». Что же касается мелетовской фрески, то возможно, что здесь имя скомороха к тому же прочитано не совсем правильно. Приложенное к статье воспроизведение надписи имеет явные признаки ретуши. В подлинной надписи я не заметил титла над именем скомороха. Кроме того, последняя буква может быть прочитана как «Т» и как «Р».

Сюжеты мелетовских фресок в целом традиционны. Сюжет со скоморохом составляет исключение. Думается, что редкий рассказ из «Лимониса» попал в мелетовские фрески далеко не случайно. Ю. Н. Дмитриев отметил в этом изображении скомороха многочисленные детали, особенно в изображении одежды и смычкового инструмента, указывающие на то, что художник воспроизводил отнюдь не традиционное изображение, а имел в виду русского скомороха.⁷ В дополнение к наблюдениям Ю. Н. Дмитриева приведу и такое соображение. В изображении редких сюжетов, носивших характер притч, русские росписи вообще допускали

⁶ ГБЛ, собр. Троице-Сергиевой лавры, ф. 304, № 37, л. 181—185 об.

⁷ «Скоморох представлен молодым, почти юношей, что соответствует наименованию „веселые молодцы“, которое дают скоморохам былины. У него длинные волосы, пышно лежащие на голове, — обычная манера изображения мужской прически в русском искусстве XIV—XV вв. Одет он в длинную, подноясанную рубашку, с круглым вырезом у ворота, узкие штаны и высокие сапоги, т. е. в типичную русскую одежду, распространенную среди различных общественных слоев и хорошо известную по миниатюрам. . . . Что касается смычкового инструмента, на котором играет скоморох, то он изображен с примечательными подробностями. . . . Если бы автор фрески срисовал незнакомый ему инструмент с какого-либо изображения, он никогда не передал бы перечисленные подробности с подобной точностью. . .» (Д м и т р и е в Ю. Н. Мелетовские фрески. . . , с. 410—412).

перенесение их в русскую обстановку. Так, например, в росписях 1363 г. погибшей Волотовской церкви близ Новгорода имелась композиция на сюжет рассказа, встречающегося в сборниках вместе с интересующим нас сюжетом мелетовской росписи.⁸ Это рассказ «О игумене, его же искуси Христос во образе нищего».⁹ Здесь Христос изображен был с сумой в образе русского нищего, а фигуры игумена и пирующих богатых — в современных росписям русских одеждах.¹⁰

Перенесение сюжета рассказа в росписях в русскую обстановку — явление вполне сознательное. Оно усиливало их назидательность. Какое же назидание преподносил зрителям художник в данном случае? Для этого нам необходимо обратиться к содержанию сборника «Лимонис».

Единственное исследование «Лимониса» мы находим в труде И. М. Смирнова «Синайский патерик в древнеславянском переводе».¹¹ Согласно И. М. Смирнову, «Лимонис» — это сборник, возникший в Болгарии в эпоху царства Самуила (969—1018 гг.). Основной материал для «Лимониса» был взят из патериков Синайского¹² и Египетского. Возник этот сборник в связи с борьбой с богомилством.¹³ В «Лимонисе», как установил И. М. Смирнов, были собраны многочисленные рассказы, подтверждающие ортодоксально-православную точку зрения на различные вопросы, в том числе на вопрос «о богоматернем достоинстве пресвятой девы Марии, помогающей обращающимся к ней с верою в ее за-

---

⁸ Ср., например, сборник № 694 (63) Народной библиотеки им. В. Коларова в Софии, написанный русской скорописью XVIII в.; на с. 105: «Слово от „Лимониса“ о некоем скомрасе, хулившем пречистую богородицу», а на с. 95: «Слово о некоем игумене, его же искуси Христос в образе нищаго».

⁹ Рассказ опубликован А. И. Пономаревым в кн.: Памятники древнерусской церковно-учительской литературы. Вып. II. Славяно-русский пролог, часть первая, сентябрь—декабрь. СПб., 1896.

¹⁰ О композиции Волотовской церкви на тему «О игумене, его же искуси Христос» см.: П о к р о в с к и й Н. В. Стенные росписи в древних храмах греческих и русских. — Труды седьмого археологического съезда в Ярославле 1887 г., М., 1890, т. 1, с. 199—200; см. Памятники древнерусского искусства. СПб., 1912, вып. 4, с. 21—22; А й н а л о в Д. В. Византийская живопись XIV столетия. Пг., 1917, с. 141—145; П о р ф и р и д о в Н. Г. Живопись Волотова. — В кн.: Новгородский исторический сборник. Новгород, 1940, вып. 7, с. 60; Л а з а р е в В. Н. Искусство Новгорода. М.; Л., 1947, с. 81—82 (воспроизведение сцены пира на табл. 66); А л п а т о в М. В. Фрески храма Успения на Волотовом поле. — В кн.: Памятники искусства, разрушенные немецкими захватчиками в СССР / Под ред. И. Грабаря. М.; Л., 1948, с. 118—121.

¹¹ С м и р н о в И. М. Синайский патерик в древнеславянском переводе. Сергиев-Посад, 1917 (Исследование в 2 частях: I. Греческий оригинал патерика со стороны своего текста; ч. II. Обзор рукописи славянского перевода патерика и сравнительный анализ их текста).

¹² В составе «Синайского патерика» рассказ «О некоем скоморохе» был включен в «Великие четьи мшени» митрополита Макария под 30 июля, см.: Подробное оглавление Великих четьих мшени всероссийского митрополита Макария, хранящихся в Московской патриаршей (ныне Синодальной) библиотеке. М., 1892, с. 255.

¹³ С м и р н о в И. М. Синайский патерик... , с. 236—248.

ступничество; ее хулители наказываются, как здесь, так и в будущей жизни».¹⁴

Поскольку новгородско-псковские ереси XIV—XVI вв. были близки к богомилству, интерес к «Лимонису» и его сюжетам не может быть случайностью. Выбор же данного сюжета из «Лимониса» для включения в роспись храма особенно показателен. Очевидно, что не только в XVI—XVII вв., но и в середине XV в. скоморохи представляли опасность для церкви и отличались вольнодумными настроениями.

Скоморох, хулящий богородицу, очевидно, в песнях, под аккомпанемент смычкового инструмента, — факт примечательный даже для Пскова XV в.

1964

---

¹⁴ Там же, с. 237.